

© Ю.В. СТЕПАНОВА

Stepanova_j_v@mail.ru

УДК 811.161.1'272

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И АСПЕКТЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена одной из актуальных проблем современной лингвистики — роли слова в формировании индивидуальной языковой картины мира, а также изучению феномена языковой личности.

SUMMARY. The article is devoted to one of the actual problems of modern linguistics — the role of a word in formation of individual picture of the world, and also to analysing the phenomenon of linguistic personality.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Когнитивизм, языковая личность, речь, сознание.

KEY WORDS. Cognitivism, linguistic personality, speech, consciousness.

Когнитивистика, будучи одной из теоретических отраслей современной лингвистики, охватывает знание и мышление в их языковом взаимодействии, т.е. когниция тесно связана с наукой о языке. Язык в большем приближении чем культура дает когнитивистам ключ к пониманию речевого поведения. Именно язык и речь обеспечивают естественный доступ к сознанию и мышлению, причем не потому, что многие результаты мыслительной деятельности оказываются вербализованными, а потому что «мы знаем о структурах сознания только благодаря словесному пространству, которое позволяет сообщить об этих структурах и «описать их на любом естественном языке» [1; 21].

Социальная функция языка реализуется прежде всего в языковом сознании — коллективном или индивидуальном. Соответственно языковой коллектив, с одной стороны, и индивидуум — с другой, являются носителями речевой культуры. Этнос, нация, индивидуум являются своеобразными точками отсчета на условной шкале языкового сознания.

Носителем вербального мышления является языковая личность, т.е. человек, живущий в конкретном языковом пространстве — в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц, смыслах текстов. Изучение языковой личности в отечественной лингвистике связывают с именем Ю.Н. Караулова, который под языковой личностью понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [2; 3].

Вслед за Ю.Н. Карауловым, который предложил рассматривать языковую личность в трех структурных уровнях (структурно-языковой, когнитивный, мотивационный), другие исследователи предложили также модель трех уровней. Например, И.П. Сусов выделяет в языковой личности три уровня: формально-семантический, когнитивно-интерпретационный и социально-

интерактивный [3; 7-13]. Другого мнения придерживается В.Д. Лютикова: «Уровневая модель языковой личности, разработанная исследователями, отражает обобщенный тип личности, поэтому она не всегда применима для изучения конкретной личности. В индивидуальной речевой ситуации вербальный, когнитивный и прагматический уровни идентифицируются. Кроме того, любая личность соединяет в себе элементы стабильности и изменчивости, она подвержена внешнему влиянию и не лишена внутренних конфликтов. Наличие устойчивости и непостоянства языковой личности, испытывающей воздействие различного рода фактов, еще более усложняет структуру языковой личности» [4; 9]. Она же предлагает следующее определение языковой личности: «Языковую личность следует понимать как совокупность языковых свойств, типичных для некоего конкретного человека» [4; 10].

Феномен языковой личности рассматривает в своих работах и доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета Н.К. Фролов: «Феномен языковой личности для лингвиста раскрывается через посредство когнитивной оценки речевой культуры, многосторонней речевой деятельности homo sapiens. Понятие языковой личности предполагает изучение факта осознания человеком собственного мыслительного поведения, знания языка или группы языков. То и другое в целом может стать началом отсчета феномена языковой личности.

Феномен личности вообще и лингвистической в частности, таким образом, конкретизируется в сознании аналитика посредством спектра особенного, необычного, богатого, известного, оригинального обладания, речевого наследия. Феномен языковой личности — это проявление сверхспособностей конкретного индивида в его речевой деятельности. Языковая личность реализует себя благодаря особым качествам, отражательным возможностям познания языкового пространства» [5; 323].

Языковую личность можно характеризовать с позиции языкового сознания и речевого поведения, а также с позиции лингвистической концептологии дискурса. Языковое сознание опредмечивается в речевой деятельности, то есть, по Л.В. Щербе, в процессах говорения, письменного общения. Речевая деятельность осуществляется индивидуумом и обусловлена его социопсихофизиологической организацией. Речевая деятельность и речевая организация человека тесно взаимосвязаны, но, тем не менее, могут быть противопоставлены как явление и сущность, и в этом смысле тройная модель языковых явлений (речевая деятельность — языковая система — языковой материал) закономерно уточняется как четырехчленное образование [6; 30].

Языковая личность в условиях общения может рассматриваться как обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. Применительно к коммуникативной личности можно выделить ценностный, познавательный и поведенческий планы этого понятия.

Ценностный план коммуникативной личности содержит этические нормы поведения, свойственные этносу в определенный период. Эти нормы закреплены в нравственном кодексе народа, отражают историю и мировосприятие людей, объединенных культурой и языком. Нравственный кодекс народа в языке выражается лишь частично. К числу языковых (и шире — коммуникативных)

индексов такого кодекса относятся универсальные высказывания и другие прецедентные тексты, составляющие культурный контекст, понятный среднему носителю языка, правила этикета, коммуникативные стратегии вежливости, оценочные значения слов, включая общечеловеческие ценности, этические и утилитарные; ценности, свойственные определенному типу цивилизации (например, нормы поведения согласно тому или иному вероучению); ценности, характеризующие определенный этнос, а также подгруппы внутри этноса (такие этногрупповые ценности лингвистически выявляются в региолектах и социолектах). Наконец, выделяются ценности, свойственные малым группам, и индивидуальные ценности личности. Соответственно коммуникативную личность можно охарактеризовать в ценностном аспекте по соотношению доминантных ценностей, по степени их дифференциации и т.д. [7; 105].

Познавательный (когнитивный) план личности в процессе общения выявляется на фоне освоения его картины мира. Применительно к этой ситуации обычно говорят о языковой личности, выделяются предметно-содержательные и категориально-формальные способы оценки действительности, что свойственно носителю определенных знаний о языковом мире. Языковая категоризация мира проявляется, например, в корреляциях между эргативной конструкцией, сложной системой видовых различий, наличием категории определенности/неопределенности, наличием эnumerативов как класса слов, с одной стороны, и особенностями мировосприятия, свойственного носителям соответствующего языка — с другой. Такие корреляции носят нежесткий характер, построены по принципу приоритетных зон наименования и поддерживаются ценностными доминантами и поведенческими стереотипами.

Когнитивный аспект языковой личности — это мера и степень освоения мира человеком посредством языка. В этой связи исследователи, как правило, рассматривают картину мира в виде коллективной концептосферы, а фреймовый анализ представлений, получивших языковое выражение, устанавливают через призму ментальных языковых образований. Ментальные концепты, составляющие концептосферу языковой личности, имеют различную природу и основаны на опыте человека, личном и общественном. Они многомерны и могут быть оценены с различных позиций. С одной стороны, целесообразно противопоставить образы и их описания, т.е. объем и содержание в традиционном подходе к понятию, не забывая при этом, что терминологически концепты принципиально шире, чем понятия, если соотносить понятия с мышлением, а концепты — с сознанием. Впрочем, есть и иные подходы относительно взаимосвязи языка и речи, сознания и мышления. Так, И.С. Торопцев большое внимание уделяет дихотомии функций языка и речи. Проблему функций языка относят к числу центральных проблем, в связи с этим она требует некоторой детализации.

«В советской философии, — пишет Н.А. Слюсарева [8; 244], — сложилось определение функции как свойства объекта в системе, способствующего его сохранению, и как проявления объекта вне его самого, включая — вне системы». В соответствии с этим с достаточной очевидностью следует выделять, во-первых, функционирование, связанное с существованием языка как такового в периоды, когда он не используется в речи, но этот тип функционирования не исчезает и в моменты использования языка в речевом процессе, другими словами, язык в полном своем составе функционирует постоянно как хранитель добытых носи-

телями данного языка знаний об объективной действительности (лексика), как хранитель умений образовывать словоформы и строить речевые синтаксические конструкции (грамматика), как хранитель умения замещать представления о звукорядах компонентов речевой синтаксической конструкции реальными звукорядами (проговаривание), что действительно от языка неотделимо; во-вторых, функционирование языка в отношении к речевому процессу, функционирование как использование, применение в качестве средства общения, познания и т.п. Оно характеризует одну из внешних связей языка, направлено во внешний мир, в то, что лежит вне языка, другими словами, язык отдельными своими элементами функционирует импульсивно, когда требуется, при речеобразовании [9; 16].

Функциональные характеристики специфичны для языка и для речи, но соотносительны, коррелятивны. С позиции единства языка и речи ни о специфичности, ни о коррелятивности функций языка и речи говорить, конечно, невозможно. Но речь не уравнивается с языком, речь — не язык в действии, а языковое действие. Специфика функций языка и речи состоит в том, что язык определяется как средство, а речь — как процесс.

Познание объективной действительности и порождение новых единиц языковых подсистем — мыслительные операции, и без опоры на словесный язык и вне словесной речи, а также ономаσιологического контекста они невозможны. Таким образом, процесс мышления направлен на решение жизненно важных вопросов, на познание непознанного и на создание средств мышления, новых единиц подсистем языка, пополняющих и тем самым изменяющих, развивающих подсистемы языка, а в итоге — язык в целом. Язык незамемим при хранении в памяти поколений результатов отражения. Идеальное (результат мышления, знание) нерасторжимо с материальным, с физиологической основой звукообразов, возникающих в результате отражения реальных звуковых оболочек компонентов речевых синтаксических конструкций или в результате умственного построения представления о звукоряде новой лексической единицы, если словопроизводственный процесс осуществляется на основе внутренней речи, без проговаривания.

Важно подчеркнуть, что язык не находится во внешних отношениях к тому, что сообщается в ходе коммуникации, к элементам художественного образа, к добываемым человеком новым знаниям, к результатам отражательной деятельности человека, к порождаемым новым единицам языковых подсистем. Лексические единицы в своих значениях содержат результаты познания, из которых конструируется содержание сообщений, элементов словесных художественных образов. Порождаемые новые языковые единицы, например, новые слова входят внутрь языка, как его составная часть. Язык — сокровищница всех достижений мыслительной деятельности его носителей и орудие приумножения духовных ценностей.

Таким образом, относительно функций язык — средство общения, средство создания словесных художественных образов, средство выражения эмоций, состояний человека и воли, средство познания и средство порождения новых единиц языковых подсистем; речь — осуществление и объективация процесса общения, процесса создания словесных художественных образов, процесса выражения эмоций, состояния человека и воли, процесса познания и процесса порождения новых единиц языковых подсистем [9; 28-29].

Поведенческий план коммуникативной личности характеризуется специфическим набором намеренных и помимовольных характеристик речи и паралингвистических средств общения. Такие характеристики могут рассматриваться в социолингвистическом и прагмалингвистическом аспектах: в первом выделяются индексы речи мужчин и женщин, детей и взрослых, образованных и менее образованных носителей языка, людей, говорящих на родном и неродном языках, или втором — речеактовые, интерактивные, дискурсивные ходы в естественном общении людей. Эти ходы строятся по определенным моделям в соответствии с обстоятельствами общения. Соответственно выделяются ситуативные индексы общения (расстояние между участниками общения, громкость голоса и отчетливость произношения, выбор слов, типы обращений и т.д.). К числу таких индексов относятся и отношения ситуативного неравенства (например, в речевых актах прямой и косвенной просьбы, извинения, комплимента). Поведенческий стереотип включает множество отличительных признаков и воспринимается целостно (как гештальт). Любое отклонение от стереотипа (например, чересчур широкая улыбка) воспринимается как сигнал неестественного общения, как знак принадлежности партнера к чужой культуре или как особое обстоятельство, требующее разъяснения.

Предлагаемые аспекты коммуникативной личности соотносимы с трехуровневой моделью языковой личности (вербально-семантической, когнитивной и прагматической) [2; 67]. Различие состоит в том, что уровневая модель предполагает иерархию планов: высшим является прагматический уровень (прагматикон), включающий цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности; средний уровень (семантикон) представляет собой картину мира, включающую понятия, идеи, концепты и отражающую иерархию ценностей; низший уровень (лексикон) — это уровень владения естественным языком, уровень языковых единиц.

С позиции коммуникативной лингвистики рассматриваемая модель является значительным шагом вперед по сравнению с системно-структурной, для которой прагматика сводилась большей частью к списку стилистически значимых отклонений от системных стандартных отношений, наблюдаемых в некоторой степени на уровне семантики и в полном объеме на уровне синтактики. Вместе с тем исследователи все более определенно дискутируют насчет того, что различие между семантикой и прагматикой носит условный характер: отношение знака к миру, лишенное человеческого опосредования, теряет смысл (чистая семантика языкового средства — это радио, работающее в пустой комнате), отношение знака к человеку, лишенное языкового опосредования, артикуляции, дифференциации, переводит общение в сугубо эмоциональную сферу, при этом вряд ли существенно, общаемся мы с человеком или с котенком. Иначе говоря, десемантизация (чистая прагматика) — это реальное общение, выходящее за рамки поведения человека, а депрагматизация (чистая семантика) — это отсутствие общения как такового.

Весьма интересен подход к изучению коммуникативной личности, построенный на синтезе трех аспектов этой личности (вербально-семантического, когнитивного и мотивационного), разработанный А.Г. Барановым [1993] и его учениками [Яковенко, 1998; Мальцева, 2000; Ломинина, 2000; Кунина, 2001]. Суть этого подхода состоит в том, что комплекс знаний о чем-либо (когниотип),

существующий в определенном языковом обществе и вытекающий из потребностно-мотивационных характеристик деятельности (потребность, мотив, цель), реализуется через индивидуальные когнитивные системы в текстовой динамике. В конкретной ситуации общения человек использует как лингвистические, так и экстралингвистические знания, которые содержат весь опыт индивида, приобретенный в течение его жизни.

Языковая личность — это и уровень владения языком и степень влияния отдельных людей на развитие языка, прежде всего литературного. Общение — это не просто разговор двух индивидуумов, это их владение культурой того или иного народа, того или иного общества, поскольку культура (духовная культура) выявляет в человеке меру человеческого и общественного.

Это свойство языковой личности проявляется и в знаниях языка, в умении их использовать, и в стиле, и в слоге, наконец, в конкретных предложениях.

Художественный текст также является источником для изучения языковой личности как самого автора, так и героев произведения, учитывая, что персонажи — это порождение авторской мысли. Автор проявляет себя в тексте по-разному, но всегда через слово. Создателю произведения, как и вообще человеку, присущи какие-то поведенческие, мыслительные, языковые нюансы, свойственные только ему. Давая жизнь своим героям на страницах произведения, автор вкладывает в них и частичку своей языковой личности. Так, например, у М.А. Булгакова в романе «Мастер и Маргарита» создатель произведения часто употребляет разговорную лексику — она отражает и колоритность персонажей, и самобытность писателя.

Очень показательным примером является слово «натурально» в значении «действительно так». Его употребляют и Азazelло, и Бегемот, и Коровьев.

- Натурально, — ответил Азazelло [10; 605].

- Ну, натурально, они! [10; 547].

Еще одной характерной особенностью авторской лексики является то, что вроде бы обычные слова приобретают в речах, например, Коровьева и Азazelло, свой, особенный смысл. Так случилось со словом «дельце». Обычно имеется в виду, что «дельце», судя по его лексической форме, — это нечто несерьезное, малозначительное. Произнесенное героями из свиты Воланда, оно приобретает зловещий оттенок:

... А между тем я к вам послан по дельцу [10; 548].

...— Плоховато дельце, дорогой Бегемот... [10; 582].

Довольно часто автором употребляются слова и выражения исключительно разговорного, даже жаргонного стиля. Известно, что речь героев является определяющим фактором, раскрывающим их внутреннюю сущность. Естественно, М.А. Булгаков, как тонкий психолог, не мог не использовать этот факт. Зачастую речь его героев не только проста, она приближена к простонародной речи или фольклору. Например,

... ее все же поразили странные врачи неизвестного гражданина [10; 547].

..., учинив предварительно какую-то пакость [10; 668].

..., предъявлявшими другим лицам или учреждениям под видом денег черт знает что,... [10; 669].

..., можно было допустить, что Бегемот находится именно там, валяя дурака, по своему обыкновению [10; 676].

... оттяпает мне голову... [10; 575].

... В то самое время, как старательный бухгалтер несся в таксомоторе, чтобы нарваться на самопишущий костюм,... [10; 516].

- Таперича, когда этого надоедалу сплавил, давайте откроем дамский магазин! [10; 441].

..., ну его в болото! [10; 430].

... провентилировать этот вопрос [10; 430].

... У Максимилиана Андреевича сразу закружилась голова, руки и ноги отнялись, ...[10; 520].

- У меня скорее лапы отсохнут, чем я прикоснусь к чужому... [10; 619].

- Черт знает как! — развязно ответил рыжий. — Я, впрочем, полагаю, что об этом Бегемота не худо бы спросить. До ужаса ловко сперли. Такой скандал! [10; 547].

Речь — это и речевое действие, и ее результат — текст. Сама речевая деятельность — это и речевое поведение говорящего и его языковая способность (компетенция, компетентность). Хотя речевая деятельность языковой личности индивидуальна по своему качеству и результатам, она социально обусловлена, во-первых, тем, что является частью общественной деятельности человека, а во-вторых, тем, что и речевой акт и речевая ситуация предполагают общественных говорящих, знающих единый язык общения, общую культуру, общую тематику. Теория речевой деятельности изучает процессы производства, восприятия речи и усвоения языка, причем речевая деятельность рассматривается в неразрывной связи с мыслительной деятельностью и сознанием.

Взаимоотношение языка и человека имеет огромное значение в выделении и изучении основных лингвистических концепций. Философско-антропологический подход актуализирует те стороны природы человека и его жизнедеятельности, которые характеризуют языковую личность как творческое начало в созидании культурных форм своего бытия и общественного сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX в. М., 1995. 154 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / АН СССР. Отд. лит. и яз. М.: Наука, 1987. 264с.
3. Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: Процессы и единицы. Калининград, 1988. С. 7-13
4. Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект. Изд-во Тюм. ун-та, 1999. 185 с.
5. Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию. Т 1. Антропонимика. Русский язык и культура речи. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2005. 509 с.
6. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: 1990 (а). 142 с.
7. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 75 с.
8. Слюсарева Н.А. О семантической и функциональной сторонах языковых явлений. // Теория языка: Методы его исследования и преподавания. Л., 1981. С. 244.
9. Торопцев И.С. Язык и речь. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 200 с.
10. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: Эксмо, 2008. 813 с.